

РЕВОЛЮЦИОНЕР АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

О революционном прошлом писателя Алексея Михайловича Ремизова знали многие его друзья и литературные современники. Почти десять лет жизни он провел в тюрьмах, ссылке или странствиях по провинциальным городам, разрешенным для проживания «неблагонадежных». Участие в революционной деятельности лишило Ремизова одной из самых заветных надежд — мечты получить высшее образование; показало неприглядную изнанку действительности; самодурство полиции, уродливый мир уголовной среды, безрадостное существование революционеров, наильно загнанных в медвежьи углы. Но в это же время он познакомился с интереснейшими людьми, впоследствии игравшими первые роли в драматической судьбе России: А.Луначарским, Б.Савинковым, Н.Бердяевым, В.Мейерхольдом, И.Каляевым, П.Щеголевым и др. Почти все они были друзьями Ремизова и почитателями его таланта. Ссылка подарила ему встречу с Серафимой Павловной Довгелло, ставшей спутницей жизни и музой писателя.

Эти годы дали Ремизову огромный творческий материал. Северные сказания и легенды, эпизоды собственных странствий по тюрьмам и ссылкам, встречи с самыми неожиданными людьми и их рассказы — все это преломилось в различных произведениях писателя: романе «Пруд», повести «Эмалиоль», во многих рассказах (таких как, например, «Бebка», «В секретной», «Серебряные ложки»), в пересказах фольклорных преданий и в книгах воспоминаний.

Это десятилетие (1896-1905) оказало значительное влияние на формирование трагического мироощущения писателя, повлияло на изменение его жизненной позиции. Для Ремизова, начиная с середины 1900-х годов, смена условий жизни человека и общественных отношений перестала быть панацеей, способной принести всеобщее счастье и уже поэтому морально оправданной. Размышления героя рассказа Ремизова «Казенная дача» (1908) революционера Пташкина во многом были созвучны мыслям самого автора: «Но какой был смысл всей этой городской машины и Пташкиной винтовой жизни? И неужели в борьбе за завтрашний стро-

го-размеренный несвободный день? Или за освобождение от каторги этого завтрашнего дня? А если все дело заключалось в борьбе за освобождение от каторги завтрашнего строго-размеренного несвободного дня, то какой был смысл того свободного дня, который в конце концов гибелью целых поколений все-таки будет завоеван и должен прийти?»¹ Представление о «борьбе за освобождение» перестало в сознании Ремизова быть категорией абсолютного. Это — не единственный и верный путь человека, а лишь один из вариантов его запутанного, зачастую интуитивного движения в лабиринте бытия. В связи с изменением мировоззрения Ремизова произошла и переоценка им смысла своего участия в революционном движении, появилась, а в последующие годы получила дальнейшее развитие авторская версия о случайности революционной деятельности в биографии Ремизова.

Как и многим представителям русского модернизма рубежа веков, Ремизову было свойственно мифологизирование мира и, прежде всего, созидание «творимой легенды» о самом себе. Но мифотворчество было свойственно Ремизову с детства, являлось своеобразной формой психологической защиты, а впоследствии органично вписалось в круг представлений символистской среды, куда вошел писатель. Среди фактов биографии, подвергшихся определенной трансформации, легенда о случайном характере участия в революционной борьбе занимала не последнее место. Она начала складываться еще в 1900-е, а в 1910-е уже отчетливо прочитывается в автобиографических заметках писателя. В этом плане характерно письмо Ремизова Г.И.Чулкову от 15/28 ноября 1911, в котором он кратко излагал свою биографию и расставлял некоторые смысловые акценты:

Дорогой Георгий Иванович! К сведению Вашему: автобиографических произведений у меня нет. Конечно, как в прудовых, так и в посолонных рассказах есть о самом себе, но это не перст, указующий: зри. И очень прошу Вас, в статье Вашей² обойдите этот вопрос автобиографический. Уяснить ничего не уяснится, а напутать может много, ибо не совпадаю я ни с одним из моих героев, и жизнь моя прошла не так, как в рассказах идет.

В вышедших пяти томах под каждым произведением стоит год сочинения: «Пруд» — 1902-3 г., «Часы» — 1904, «Посолонь» и «Лимонарь» — 1906-7 г.

¹ Ремизов А. Сочинения. Т.3. СПб. [1911]. С.85-86.

² Сведения о статье Чулкова, рассматривающей творчество Ремизова в целом, имеются в письме Ремизова С.А.Венгерову от 27 августа 1913: «Когда будет корректура моей автобиографии, к которой Чулков статью написал, пришлите мне, пожалуйста» (ИРЛИ. Ф.377. Ед.хр.3046. Л.19). Это статья «Сны в подполье», опубликованная в кн.: Чулков Г. Наши спутники. М., 1922. С.7-37.

Родился я 24 июня 1877 г. в Москве в М[алом] Толмачевском пер[еулке] в приходе Николы в Толмачах в Замоскворечье. Из рода я происхожу старинного купеческого. Мать моя Мария Александровна Найденова, — Найденовы в XVIII веке переселились из села Батыева Суздальского у[езда] Владимирск[ой] губ[ернии] на Земляной вал в Москву, отец мой Мих[аил] Алексеев[ич] — Ремизовы из Венева Тульской губ[ернии] переселились в Замоскворечье.

Долгие всенощные, ранние обедни, крестные ходы, богомолья по монастырям, чудотворные иконы на дому, церковно-славянские книги — мое первое научение. Образование я получил коммерческое. По окончании училища слушал лекции в Моск[овском] универс[итете] на естеств[енном] отделении математич[еского] факультета. Очень увлекался ботаникой и наукообразными и ракообразными, и в то же время не пропускал лекций Ключевского, Чупрова, Янжула и Стороженко*. Еще в училище большое рвение чувствовал к философии. Какие читать книги, это указывал мне проф[ессор] Н.А.Зверев.

В 1896 летом ездил за границу (Вена, Швейцария, Мюнхен). А зимою в ходынскую демонстрацию (18.XI.1896) случайно загнан в манеж, откуда переведен в Тверскую часть, а к ночи в Таганку — в Каменщики. Из Каменщиков после рождества меня перевезли на вокзал и я поехал в Пензенск[ую] губ[ернию] под глас[ный] надзор на 2 года. Губернатор Святополк-Мирский меня оставил в Пензе. Летом я занимался с Мейерхольдом и Зоновым в Народн[ом] театре. А весной 1898 года опять посажен. Из пустыков сделано было дело, и в 1900 г. весною меня отправили этапным порядком в Устьысольск Вологодск[ой] губ[ернии] на 3 года под надзор. Тут я по тюрьмам насиделся³.

Но все ко благу, тут я многое узнал и увидел. В Устьысольске прожил я год. Губернатор Князев оставил меня в Вологде. 30.V.1903 г. кончился срок ссылки. Получил я ограничение на 5 лет не выезжать и не проживать в столицах. Сезон 1903-4 служил у Мейерхольда в театре в качестве советника что ли, не знаю, как мою должность назвать, и с актерами разговаривал, и пьесы читал. В 1904 весну прожил в Одессе, а часть лета и зиму в Киеве. 1.II.1905 с разрешения Святополк-Мирского водворился в Петербурге.

В Одессе жил на Молдаванке. В Киеве у Печерского монастыря на Зверинце⁴.

* Слушал еще Столетова (физика), Тимирязева (физиология растений), Мензбира (биология) — *примечание А.М.Ремизова.*

³ Далее три строки зачеркнуты. Можно разобрать только следующий отрывок: «а [из Москвы] через Москву /.../ пешком гнали с проститутками спутали политическое дело с /.../».

⁴ РГБ. Ф.371. Карт.4. Ед.хр.46. Л.14-15об.

Уже в этом письме-автобиографии Ремизов всячески подчеркивал «случайность» своих арестов и ссылок, хотя, примечательно, адресатом его был человек, сам причастный к революционному движению. Этот факт из биографии Чулкова был хорошо известен Ремизову и в более ранние годы являлся для него свидетельством, безусловно положительно характеризующим этого литератора. Для сравнения можно привести относящуюся к 1904 оценку Чулкова в письме Ремизова к бывшей ссыльной, его знакомой по Вологде — В.Г.Тучапской: «Хотел прислать Вам Филиппа II Верхарна, но там стихи, будет переводить секретарь Н[ово] П[ути] (обновленного, если следите за этим журналом) Чулков, бывший ссыльн[ый] в Восточ[ную] Сибирь»⁵.

Версия о «случайном» и, одновременно, «роковом» попадании молодого студента в жернова карательной машины повторяется и в более поздних автобиографиях Ремизова, в том числе, в автобиографии 1923 г.⁶ Ее машинописная копия (РГАЛИ. Ф.341. Оп.1. Ед.хр.285. Л.4-6) была положена в основу статьи о Ремизове в задуманном в середине 1920-х, но так и не осуществленном «Словаре русских писателей» Е.Ф.Никитиной. Эта же автобиография была одним из источников рассказа писателя о своей судьбе в книге Н.Кодрянской «Алексей Ремизов»⁷. Как известно, она создавалась в условиях постоянного содружества ее автора с Ремизовым, и концепция этой книги была еще одним выражением авторского мифа о самом себе. Последним художественным отражением событий 1896-1905 годов стала книга воспоминаний Ремизова «Иверень», целиком опубликованная лишь посмертно⁸.

«Автобиографическое пространство» Ремизова (это удачное определение дано исследовательницей творчества писателя Антонеллой Д'Амелиа) возникает не только в его художественных произведениях, воспоминаниях, отрывочных свидетельствах современников. Имеется еще один источник, достаточно точно сохранивший сведения об отдельных вехах ремизовского «случайного» десятилетия. Это — документы Департамента полиции, фиксировавшие поступки, дела и помышления личного почетного гражданина, бывшего вольнослушателя Московского университета А.М.Ремизова. Их включение в биографический контекст позволяет уточнить многие грани авторского мифа.

⁵ РГАЛИ. Ф.420. Оп.1. Ед.хр.79. Л.10об.

⁶ Россия. 1923. №6. С.25-27.

⁷ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С.65-80.

⁸ Ремизов А. Иверень: Загогулины моей памяти / Редакция, послесловие и комментарии О.Раевской-Хьюз. Berkeley. 1986.

А.М.Ремизов был арестован 18 ноября 1896 года на студенческой демонстрации в память о событиях на Ходынском поле. Наиболее раннее отражение обстоятельств первого ареста писателя можно найти в романе «Пруд». Описание столкновения демонстрантов и в том числе главного героя романа — Николая Огорельщикова с полицией является художественным претворением воспоминаний самого автора: «Николая сунули в камеру. /.../ И только что закрыл глаза, как развернулась битком набитая площадь. И много мелькающих лиц болезненных в искаженных сморщенных чертах. Крик резко разбирал гул и гомон; какие-то рахитичные дети, цепляясь тонкими пальцами за подол женщин, выли. Предчувствие давило сердце. Ждали чего-то, что должно было непременно прийти из-за домов и соборов. /.../ Но один миг.— и все изменилось. Нечеловеческий вопль, как смертельная весть, пронесся из уст в уста и ярким серпом стянул толпу и острым жалом проткнул всколыхнувшуюся темную грудь. Черные, такие длинные, руки взмахнули над толпой. Черный дождь жужжащих бичей взвизгнул и дико запел, как поет в раскаленной степи пожар ковыля. Здания рушились, разверзалась земля. Он стоял среди гибели, ничего не чувствовал, одно знал, скоро и его очередь. Какой-то рослый, здоровый парень, перегнувшись с седла, хлестал полуобнаженную женщину. Видел, как от стыда и боли извивалась спина, как проступая, надувались по ней полосы красные, синие, черные. А руки отчаянно ломались в воздухе, хватались за что-то предсмертной мольбой: — Спаси меня!»⁹ Ремизовский текст воссоздает эмоциональное потрясение молодого человека, вслед за этим ощутившего желание отомстить казакам, избивающим безоружных.

Намного позднее, уже в конце жизни Ремизов вспоминал об этом первом столкновении с полицией в разговорах с Кодрянской, которая зафиксировала ремизовскую интерпретацию случившегося в рассказе от лица самого Ремизова: «Со мной всегда путаница и недоразумения. Идти на демонстрацию я подлинно не гадал и не думал, а собирался вечер провести за работой, и кроме того я был против студенческих демонстраций, считая их "буржуазным явлением". А уговорил приятель. Только взглянуть. На демонстрацию я попал в разгон, и перед стеной конных жандармов и казаков погорячился, первым был арестован и отправлен с городским в Тверскую часть, как "Агитатор". В части вечером, когда пригнали других арестованных на демонстрации и я вышел к ним к столу пить чай, меня приняли за провокатора»¹⁰. Видно, как

⁹ Ремизов А. Пруд: Роман. СПб., 1908. С.145-147.

¹⁰ Кодрянская Н. Указ. соч. С.79.

в изложении подчеркнут момент роковой случайности случившегося. Сходное же по смыслу описание дано и в главе «Начало слов» книги Ремизова «Иверень»: «Студенческими делами я не занимался и в землячествах не участвовал и раз всего на вечеринке был с пением, танцами и марксистом. И попал я на студенческую демонстрацию только посмотреть (18-XI 1897)¹¹. Правда, погорячился, меня и зацапали!»¹².

Обратимся теперь к «Докладу Особому совещанию, образованному согласно 34 ст. положения о государственной охране» — «О 92 лицах, обвиняемых в произведении студенческих беспорядков, имевших место в Москве в ноябре 1896 года». В документе говорится:

18 ноября, утром, группа студентов, численность до 500 человек, возбужденная вышеуказанным воззванием, направились к Ваганьковскому кладбищу, но у Пресненской заставы были остановлены полицией. Около 12 часов дня, толпа, дошедшая до 500 человек, повернула обратно к Университету, к которому без демонстраций и прибыло около 300 человек. На неоднократные требования разойтись, эти последние отказались, почему и были проведены в манеж, куда направлены также вышедшие из здания университета группы студентов, примкнувшие к толпе. Кроме студентов в толпе оказались несколько курсисток и посторонней молодежи. Женщины препровождены немедленно на квартиры, а остальные, в числе 399 человек, переписаны в манеже и отпущены по домам, за исключением 36 задержанных агитаторов, в числе которых оказалось: 20 студентов Московского университета, 1 студент Московского технического училища, 1 студент Московского сельскохозяйственного института, 1 вольнослушатель Московского университета (А.М.Ремизов — А.Г.), 2 бывших студента и 11 человек разного звания¹³.

По степени вины задержанные были разделены на три разряда. В первый вошли «руководители беспорядков», степень вины которых усугублялась имеющимися прежними сведениями о их политической неблагонадежности. Таких было 10 человек, и мерой наказания для них была определена ссылка в г.Пензу на 2 года под гласный надзор полиции или на 3 года на родину с последующим запрещением три года проживать в столицах. Ко второму разряду («подстрекатели и руководители»), ранее не замеченные в политической неблагонадежности, был отнесен и А.М.Ремизов. В «Деле тюремного отделения Московского губернского правления, 3 делопроизводства» в списке прибывших в тюрьму 18 ноября

¹¹ Ошибка Ремизова: надо читать — 18-XI 1896.

¹² Ремизов А. Иверень. Указ. изд. С.30.

¹³ ГА РФ. Ф.102 (ДП). Оп.3. 1905 г. Д.258. Л.41.

по постановлению Московского оберполицеймейстера под номером 68 числится «Ремизов Алексей Михайлович личный почетный гражданин 19 лет», который пробыл в тюрьме до 20 декабря 1896 года включительно¹⁴. Напомним, что из 92 лиц, обвиняемых в проведении студенческих беспорядков было особо выделено 36 человек, являвшихся руководителями. В списке арестованных под номером 61 указан: «Ремизов, Алексей Михайлович, личный почетный гражданин. Вольнослушатель Московского университета, юрид[ического] фак[ультета]. 1 семестра. *Значится в числе 36*»¹⁵. В графе «степень участия в студенческих беспорядках, бывших в ноябре 1896 года» записано: «Ремизов замечен был в агитации и в подстрекательстве студентов к беспорядкам. Был главным руководителем манифестации 18 ноября»¹⁶. В графе «Предположения Департамента Полиции» указано: «Подчинить гласному надзору полиции в Пензенской губернии на два года»¹⁷. 20 декабря Ремизов был отправлен к месту ссылки — в г. Пензу.

При сравнении различных источников очевидно, что с течением времени Ремизов стал интерпретировать происшедшие события как случайное происшествие. Но авторское истолкование не согласуется с реальными фактами. Как неоднократно вспоминал сам Ремизов, он с детства жил рядом с фабричными казармами, видел нищету рабочих. Всё виденное рождало естественную реакцию чистого сердца: «Меня тронула беда и я не знал как ответить. А потом из книжных разговоров узнал, как все можно поправить. И совеститься будет нечему, такова будет жизнь. Сначала мне казалось, что все можно поправить изложением правящих царя и министров, и был готов на правое дело, но такое чувство было недолго. Я поверил в марксизм и меня толкнуло на Бельтова-Плеханова»¹⁸. Анализируя этот рассказ Ремизова в записи Кодрянской, можно увидеть, что к моменту событий на Манежной площади Ремизов уже прошел в развитии своих революционных взглядов через ряд этапов. Сначала он, очевидно, разделял взгляды позднего революционного народничества, позднее легшие в основу идеологии партии эсеров. «Готов на правое дело» — это решимость совершить террористический акт, устраняющий того или иного из власть имущих. Затем летом 1896 Ремизов предпринял заграничное путешествие, география

¹⁴ ЦГИА г.Москвы. Ф.474. Оп.23. Ед.хр.1954. Л.8.

¹⁵ ГА РФ. Ф.102(ДП). Оп.3. Д.258. Л.27об.

¹⁶ Там же. Порядковый номер Ремизова и сведения о степени его участия в деле подчеркнуты красным карандашом.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Кодрянская Н. Указ. соч. С.80.

которого (Швейцария, Германия, Австрия) объяснялась не только прекрасным знанием молодым студентом немецкого языка, но и наличием именно в этих странах русской революционной эмиграции, с представителями которой и общался Ремизов. Этот эпизод его биографии остается ныне наиболее непроясненным, но существенно отметить, что результатом поездки был ввоз в Россию целого сундука с двойным дном, наполненным нелегальной литературой социал-демократической ориентации. Сундук был привезен в августе 1896, в ноябре Ремизов был арестован. Книги из сундука за этот период времени использованы не были, но такое заключение выводится только из поздних воспоминаний самого Ремизова. Общественную позицию Ремизова во время учебы в университете можно только попытаться дополнить примечательным рассказом самого писателя, относящимся к 1897 и адресованным товарищам по революционному кружку в Пензе: «В июле-августе прошлого года объездил Австрию, Швейцарию и Германию. В Вене познакомился с нелегальной литературой, увлекся ею. *Когда поступил в Московский университет, сразу стал участвовать в студенческом движении, отсидел за это шесть месяцев в тюрьме* и оказался здесь, в Пензе»¹⁹. (Курсив мой. — А.Г.) Все вышеизложенное позволяет считать, что к моменту ссылки в Пензу Ремизов принадлежал к среде революционного студенчества, изучал марксизм и был потенциально готов к той роли пропагандиста и агитатора, которую ему предстояло сыграть в Пензе.

Пензенский период жизни Ремизова подробно описан им в книге «Иверень». Центральное место отведено истории пропагандистской работы Ремизова и его товарищей среди пензенских рабочих, ареста их группы и следствия, в результате которого Ремизов был сослан в Устьсысольск. По версии Ремизова, именно в Пензе проявилась его фатальная неспособность быть революционером и, в то же время, выявилась человеческая несостоятельность его товарищей. В «Иверене» Ремизов так писал о ходе следствия: «"Дело" не покидало моих глаз: с каждым днем развешивалось оное "откровенными показаниями" и все собиралось ко мне. /.../ Сюда под замок в "клетку", я попал по откровенному признанию и полной чистосердечной повинной арестованного где-то в Наровчате, кроткого, смотревшего на меня с болью,

¹⁹ Цит по: Морозов В.Ф. Первые марксистские кружки в Пензе // Очерки истории Пензенского края. Пенза, 1973. С.300. Морозов цитирует материалы судебного дела пензенских пропагандистов марксизма (ГА РФ. Ф.124. Оп.7. Ед.хр.11445, 11446).

Лопуховского. Повинился и Тепловский. /.../ На вопросы, кто и откуда, один у всех был ответ — на меня: "Я самый!" — "Да самый ли?" — И мне оставалось одно слово: "да, они правы, это все я и никто больше"»²⁰. Сходную оценку этого дела дал Ремизов и в рассказе, записанном Кодрянской: «А после моего второго ареста в Пензе, где я затеял организацию пензенских рабочих и когда люди не плохие, а только слабые, выдали меня — я потом приписал это моей "неспособности" к таким делам. /.../ И осудив себя, я сказал себе: я никакой! /.../ С тех пор как-то само собой я больше ни в какие революционные дела не вмешивался...»²¹

Сверим ремизовский вариант «пензенского дела» и роли в нем ссыльного студента Ремизова со свидетельствами, зафиксированными в материалах Департамента полиции. По многотомным следственным изысканиям выясняется, что в середине 1890-х в Пензе образовалось несколько марксистских кружков, в частности, кружки Н.Р.Добронравова, Г.Ельшина, М.М.Корнильева, Н.П.Рассказова, О.И.Тепловского. Весной 1897 в кружок Ельшина вошел и стал одним из руководителей А.Ремизов. Деятельность участников кружка заключалась в пропаганде марксизма в рабочей и учащейся среде, установлении связей с петербургскими и саратовскими марксистами, распространении листовок. Полиция раскрыла «преступную деятельность» постепенно, начав с поиманного за чтением нелегальной литературы ученика землемерного училища Ивана Карпова. Затем была найдена библиотека нелегальной литературы, хранившаяся у А.К.Соколова, а у последнего обнаружено письмо Лопуховского. Показания Лопуховского вывели следствие на руководителей одного из кружков — О.Тепловского и А.Ремизова.

В материалах дела Департамента полиции «О преступном сообществе в городе Пензе, имевшем целью побуждать рабочих к стачкам. Общая переписка» собраны записи показаний всех, проходивших по следствию: В.Ф.Соколова, О.И.Тепловского, М.М.Корнильева, Д.С.Волкова, Н.П.Рассказова, И.А.Карпова, М.П.Остроумова, В.А.Феофарова, Н.А.Народецкого, А.И.Мазина, А.Н.Честнокова, П.П.Капустина, А.Ф.Кутузова, А.Я.Лопуховского, А.К.Соколова, А.М.Ремизова. Приведем полностью показания самого писателя:

Ремизов — студент Московского университета, высланный из Москвы за студенческие беспорядки, прибыл в Пензу в начале 1897 года, познакомился с большинством лиц, привле-

²⁰ Ремизов А. Иверень. Указ. изд. С.136-137.

²¹ Кодрянская Н. Указ. соч. С.80.

ченных к настоящему дознанию, занялся устройством литературных вечеров с целью ознакомления молодежи с «действительностью» и рабочих с рабочим вопросом²², привез с собой, а частью выписывал, нелегальную литературу, распространяя ее среди рабочих и вообще молодых людей, принадлежавших к кружкам или знакомых с членами таковых. При содействии Ельшина пользовался гектографом для печатания воззваний к рабочим; воззвания эти и печатные преступные издания распространял среди молодежи и рабочих. Предполагал вести широкую и организованную пропаганду среди рабочих фабрик и заводов, для чего уже собирал статистические сведения о положении рабочих в фабричных заведениях.

По обыску, произведенному в его квартире в г. Пензе 24 февраля 1898 г. подполковником Магнушевским, найдены: Карла Каутского: «Популярное изложение экономического учения К. Маркса» — издание, воспрещенное к обращению, и несколько писанных стихотворений, явно преступных, в которых резко порицается существующий образ правления в России и восхваляется деятельность государственного преступника Адриана Михайлова. Кроме того — заметки на 8 листах, представляющие конспекты разных сочинений, в том числе и запрещенных (Рабочая библиотека, Эрфуртская программа). Заметки содержания крайне тенденциозного.

Привлеченный в качестве обвиняемого, иногда видоизменяя свои показания, по собственному выражению, из чувства самосохранения, Ремизов в общем объяснил, что по окончании курса Московского коммерческого училища, уехал на некоторое время за границу, был в Вене, ознакомился там с нелегальной литературой и привез с собой до 20 экземпляров разных запрещенных изданий, которыми в Москве пользовался исключительно сам. Поступив в Университет, где в это время о чем-то говорили, шумели, протестовали, присоединился к движению между товарищами, сам не сознавая, в чем дело и чего собственно желает. В результате — 6 недель в тюрьме и высылка на жительство в Пензу. Сначала тоска, потом озлобление, а тут подошла весна, начала съезжаться учащая молодежь, — знакомство с Ельшиным, Тепловским и другими. От них узнает, что в Пензе почва готовая, что там существуют уже «марксисты», что деятельность в народе может иметь хороший успех. И вот, под влиянием практика-пропагандиста Тепловского, он, теоретик-политэконом, обращается в практика-революционера. Увлечению его

²² В Департаменте полиции сохранилось дело о подготовке в Пензе чествования памяти В.Г.Белинского 26 и 27 мая 1897. В нем сообщается, что «в проект входил праздник железнодорожных рабочих с присоединением Сергеевской фабрики; на этом празднике должен был сказать речь студент Ремизов, привлеченный мною [подполковником Роменским. — А.Г.] к дознанию, о значении Белинского для рабочих» (ГА РФ. Ф.ДП. Оп.3. 1897 г. Ед.хр. 1499/1897. Л.43).

не было границ. Он создает широкие планы действия среди фабричных рабочих, забывая, что в Пензенской губернии почти нет фабрик, устраивает кассу, зная, что это учреждение даже в Лондоне, располагая миллионами, не приносит надлежащей пользы. Наконец, собирает совещание и устраивает литературный вечер в доме Клещева. Для вечера он составляет пространный реферат по широкой программе. Сюда входят: процесс Чернышевского, суд и приговор над ним, его биография, сочинения, критика их (по статьям периодической печати 60-х годов и отдельным сочинениям), вопросы философии, политической экономии, поэзии и эстетики и проч[ее]. На вечер собралось до 30 человек молодежи (преимущественно из привлеченных к сему дознанию). Еще ранее он думал, что его не поймут, что собрание не достаточно интеллигентно. Так и вышло. После вечера наступило некоторое разочарование. Осуждение правительства за жестокий приговор над Чернышевским было признано центром тяжести всего реферата и не понравилось аудитории.

Тем не менее преступная деятельность продолжается. Хранившуюся у него в Москве нелегальную литературу, которую он никогда не уважал за отсутствием в ней научной теоретичности, он выписывает через брата Сергея в Пензу. Брат привез ее ему лишь после настойчивых требований и нескольких отказов. Здесь были: 1) К.Каутского «Изложение системы К.Маркса», 2) Эрфуртская программа, 3) К.Маркса «Речь о свободе торговли», 4) Манифест Коммунистической партии, 5) Нищета философии, 6) Энгельса «О научном социализме», 7) Плеханова «Наши разногласия», 8) Рабочая революция, 9) Задачи рабочей интеллигенции, 10) Всероссийское разорение, 11) Варлен перед судом исправительной полиции, 12) О задачах социалистов в борьбе с голодом в России, 13) Речь Петра Алексеева, 14) Рабочий день, 15) Социалистическая демократия. Сочинения эти он охотно давал всем желающим (по преимуществу из числа привлеченных) и впоследствии продал их за 33 рубля Осипу Тепловскому. Независимо сего, собираясь деятельно работать в среде фабричного населения и нуждаясь в статистических сведениях о положении рабочих, он искал знакомства с ними для исполнения его поручений и уже поручал Лопуховскому, Сивачеву, Еренцову, фабричным рабочим, доставлять ему необходимые статистические материалы; Сивачеву, ехавшему в Петербург, кроме того, поручил доставить сведения о положении петербургских рабочих и намекал на высылку брошюр. После этого он получил, — хотя и не знает, от кого, — две прокламации «К ткачам» и «О сокращении рабочего времени в мастерских железной дороги». Последнюю он переписал в двух экземплярах и дал Ельшину для гектографирования. Ельшин вручил ему до 100 экземпляров гектографированных, которые он и передал Тепловскому для раздачи рабочим. Из показаний его видно, что он был знаком

с большинством членов пензенских кружков и в разговорах с ними пропагандировал рабочее движение. Наконец, Ремизов показал, что крайне сожалеет о своих пензенских увлечениях, начавшихся с весны и окончившихся совершенно с первым снегом зимы 1897 года.

Независимо [от] собственных объяснений, преступная деятельность Ремизова в г. Пензе вполне подтверждается показаниями привлеченных к дознанию: Лопуховского, который удостоверяет, что Ремизов читал на нескольких вечеринках, что на них, между прочим, присутствовали молодые люди, окончившие курс гимназии, что он имел много нелегальной литературы, которую и раздавал для чтения, и что от Ремизова он получил вопросные листы о положении рабочих на фабриках для доставления сведений; Бахимена, Левина, Капустина, Соколова, Тепловского Осипа, подтвердившего, между прочим, обстоятельство покупки у Ремизова нелегальной литературы и получение гектографированных листков «О сокращении рабочего дня»; Честнокова, Еренцова, Суконина, Безрукова и свидетелей: Алекова, Поля и других. Все эти лица в существе подтвердили объяснения самого Ремизова.

Алексей Ремизов, 20 лет, православный, купеческий сын, холост, родился в Москве, окончил курс Московского Александровского Коммерческого Училища, студент Императорского Московского Университета, за границей был в Австрии, Швейцарии и Германии с 15 июня по 15 августа 1896 г. По распоряжению Министра внутренних дел выслан в Пензу на 2 года под гласный надзор полиции в ноябре 1896 г.²³

Анализ собранных в деле показаний всех подследственных убеждает в том, что разные показания были «откровенными» примерно в равной мере, т.е. каждый старался оперировать уже доказанными полицией фактами и не «топить» кого-либо из товарищей. В показаниях также отсутствует особое стремление возложить всю вину на Ремизова. Его имя периодически упоминается в деле, но, как правило, при обнаружении несомненных улик против него. Так, например, у О. Тепловского было отобрано много нелегальной литературы и, в том числе, «Устав кассы», составленный и написанный Алексеем Ремизовым²⁴.

Особого исследования заслуживают приведенные выше показания самого писателя. Ремизов признал только то, что полиции удалось точно установить. Так, ни слова не было сказано об организованной с помощью товарищей поездке Ремизова в Москву за нелегальной литературой, которая подробно описана в книге

²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 3. 1903 г. Ед. хр. 2081. Л. 10об.-12об.

²⁴ Там же. Л. 6.

«Иверень»²⁵. Он не назвал ни одного имени кроме тех, кто уже был арестован и упоминал его в своих показаниях. Очевидно именно с последними он и корректировал свои показания, видоизменяя их по ходу следствия. Для примера ремизовского «молчания» остановимся на фигуре только одного человека, несомненно участвовавшего в деятельности революционных пензенских кружков, привлеченного к работе Ремизовым, но не понесшего наказания ввиду отсутствия каких бы то ни было уличающих свидетельств. Этим человеком был сын местного фабриканта В.Э.Мейерхольд. Как хороший знакомый Ремизова, Мейерхольд вызывался на допрос следователем, который вел дело Ремизова. Вот как это описано в беллетризованной биографии Мейерхольда: «Ротмистр, который вел его (Ремизова. — А.Г.) дело, вызвал на допрос студента Мейерхольда. Всеволод отвечал с невозмутимым спокойствием. Нет, ни о какой противоправительственной деятельности подследственного он не знает. Давал ли подследственный ему на прочтение какие-либо книги, брошюры возмущающего содержания? Нет, он брал у Ремизова исключительно пьесы, например, Ибсена, Гауптмана.

— Видите ли, я интересуюсь только театром, — сообщил он, скромно потупив глаза. — Уже выступаю на сцене. Политике я чужд.

Ремизов со своей стороны на допросах, как впоследствии писал Мейерхольд, обнаружил "исключительную хитрость" и про Всеволода вообще не упоминал»²⁶.

Показания Ремизова свидетельствуют, что он отнюдь не собирался брать всю вину на себя и признавать какую бы то ни было главенствующую роль в революционной организации. Существенно, что в записанных следователем словах Ремизова-последственного отчетливо слышны интонации будущего Ремизова-писателя и появляется избранная с защитной целью маска неудачника — чудака не от мира сего, теоретика, с которого и спрос невелик. Чего стоят, например, утверждения о имевшейся у него в Москве нелегальной литературе, которую он «никогда не уважал за отсутствием в ней научной теоретичности» в сопоставлении со следующим далее списком классических работ по марксизму. Или столь характерные для позднейшей парадоксальной прозы Ремизова рассуждения, как он «теоретик-политэконом», «создает широкие планы действия среди фабричных рабочих, забывая, что в Пензенской губернии почти нет фабрик». Или, наконец, его

²⁵ Ремизов А. Иверень. Указ. изд. С.89-94.

²⁶ Рудницкий К. Мейерхольд. М., 1981. С.24.

«признание», что вся его пензенская деятельность есть «увлечение», начавшееся «с весны» и окончившееся «совершенно с первым снегом зимы 1897 года». Таким образом, в противовес позднейшей авторской версии, примечательным образом в некоторых чертах совпадающей с вариантом-«легендой», зафиксированной в полицейских документах, Ремизов предстает отнюдь не слабым, легко поддающимся влиянию неудачником, а человеком убежденным, полностью контролирующим в тяжелейшей ситуации свое поведение и ведущим опасную игру с полицией.

После проведения следствия обвиняемые были разделены на четыре группы по степени их вины. К первой были отнесены «организаторы и руководители преступного движения»: Н.П.Рассказов, Д.С.Волков, М.М.Корнильев, О.И.Тепловский и А.М.Ремизов. По постановлению суда этих лиц было решено подвергнуть ссылке в Вятскую губернию на три года. Но министр юстиции предложил изменить место ссылки, и по высочайшему повелению было решено выслать «О.Тепловского, А.Ремизова и Н.Рассказова под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию на три года»²⁷.

Годы, проведенные Ремизовым в Устьсысольске и Вологде (1898-1902) также подробно описаны в книге «Иверень». Но спустя долгие годы в памяти писателя возникали картины северной природы, лица ушедших из жизни друзей, поэтический мир зырянских легенд и сказок. Политические же симпатии юности представлялись ему чем-то очень отдаленным, несущественным, и складывался новый «миф» о том, что после пензенской «истории» Ремизов уже отошел от былых «увлечений».

По понятным причинам, писем тех лет, касающихся политических вопросов, не сохранилось ни в архиве самого писателя, ни в уцелевших архивах его тогдашних знакомых. Однако в Департаменте полиции вели перлюстрацию корреспонденции ссыльного Ремизова, и в делах остались выписки из его писем. Так агентурным путем была получена выписка из письма Ремизова от 26 сентября 1900 из Устьсысольска к брату С.М.Ремизову в Москву:

Настроение у публики мрачное, еще один рейс и замерзнет река /.../, а работы у сапожников нет и не предвидится²⁸. Насколько возможно, вношу жизнь.

Кроме истор[ии] и ф[илосо]ф[ии] по субботам, читаю в четверг 1 том Маркса, с комментарием и критикой в связи с поли-

²⁷ ГА РФ. Ф.102. Оп.3. 1903 г. Ед.хр.2081. Л.86.

²⁸ Ссылные сапожники из Вильны пан Ян и пан Анжей изображены в подглавке «На заповедной земле» книги «Иверень».

тической экономией, в пятницу психологию, а в воскресенье — развитие рабочего движения на Западе: Англия, Германия, Швейцария, Франция, Бельгия и Северная Америка.

По понедельникам заставил учить Ник[олая] Мих[айловича] (поднадзорный Давыдов — *примеч. полиции*) рабочих русскому языку и диктовке, а Ф[едора] Ив[ановича] (поднадзорный Щеколдин — *примеч. полиции*) — арифметике и политической экономии. Буду для желающих читать литературу, историю. Одному все это, конечно, чувствительно. Еще рабочие ничего, но Н[иколай] М[ихайлович] «хочет и рыдает». Ф[едор] Ив[анович] как гусь мокрый. Доктор погрузился в сон. Никакого участия не принимают и даже не встречаются: Булич, С.П. и Савицкий.

Книги, которые ты присылаешь, старайся переплетать.

Под текстом письма примечание полиции: «Алекс[ей] Мих[айлович] Ремизов за пропаганду в среде пензен[ских] рабочих выслан по Высочайш[ему] повелению 31 мая 1900 г. под гласный надзор в Волог[одскую] губ[ернию] на 3 года»²⁹.

Следующие выписки из писем Ремизова и сопровождающая их полицейская переписка касаются проведенного у него в Устьсысольске обыска, состоявшегося 13 октября 1900 г. и впоследствии описанного в книге «Иверень» в главе «В сырых туманах»:

На Пасхальной неделе, по распоряжению из Вологды, у меня, в моем углу сделали обыск. /.../ Обыск ничего не дал — зря Надеркин старался — даже мои рукописи, на больших листах, только пальцем потыкали, мой почерк очень понравился; а книг столько — нешто мыслимо пересмотреть, а главное, как отличишь запрещенное от дозволенного, это не Москва, не Петербург, даже не Вологда, где в полиции служат ученые профессора и лица духовного звания и во всем разбираются. И взять ничего не взяли.

Я подписал протокол. И все.

Да, о «незаконных собраниях» (по вологодскому пункту) — что вечерами всю зиму книжки читали вслух.

— Но ведь я читал сказки, — сказал я, — и кроме хозяев никого из посторонних /.../

— Самовар поспел, давайте чай пить! — предложил я моим гостям³⁰.

Эти воспоминания, написанные почти сорок лет спустя, можно сравнить с документами, появившимися сразу после случившегося.

²⁹ ГА РФ. Ф.102 (ДП). ОО. 1900 г. Ед.хр.1115. Л.1.

³⁰ Ремизов А. Иверень. Указ. изд. С.170.

Выписка из полученного агентурным путем письма Алексея Ремизова, Устьсыольск, от 17 октября 1900 года к Сергею Михайловичу Ремизову, в Москву, Сыромятники, д. Найденовых:

«На обыск пришли помощник, надзиратель, письмоводитель и другие. Два часа ждали жандармского полковника и исправника, в это время самым спокойным образом пили чай.

До сих пор не выдают Канта и др., потому что по-немецки никто не знает, а я аргументом не могу быть. Курьезный вышел протокол: там написано, что вещи получены от Чернова, которого я не знаю. Я делаю заметку, что вещи не от Чернова, а от Бадулина, и что отобраны у меня легальные и дозволенные цензурой книги такие-то. Таким образом, протокол потерял силу. В Жандармском управлении ухищряются, как бы поправить дело, но... ничего не находят.

У меня оказался в руках материал, чтобы писать в Департамент полиции, не знаю только, стоит ли марать руки.

При прощании говорили мне, что никогда такого обыска не делали, один мне шкуру оленью за три рубля достает, а другой какие-то валенки тоже с уступкой.

Готовлю рассказ об этом»³¹.

На выписке из письма была наложена резолюция товарища министра: «По какому случаю был произведен этот обыск», а также сделана помета директора Департамента полиции: «Нужное. Дать мне справку».

В ответ на этот запрос были подобраны все документы, касающиеся обыска, в том числе выписки из последующих писем Ремизова. Одно из них — от 17 октября 1900 к брату Н.М. Ремизову: «Николай, знаешь, как я вчера вещи получил? Согрешил, пригрозив агенту и полиции, если мне не выдадут (а не выдавали четыре дня, мотивируя потерей ключа от амбара), я телеграфирую моему брату в Московскую Судебную палату, где он состоит товарищем прокурора³². Сказал — ключ тотчас же нашелся. Но как только привезли на квартиру вещи, следом за ними ворвались жандармский полковник, исправник, помощник исправника и т.д. и т.д. и обыскали. Ничего не оказалось компрометирующего. Впрочем, отобрали Канта, Шопенгауэра и Шекспира»³³.

По материалам обыска была составлена специальная справка, в которую были включены еще два отрывка из писем Ремизова. Первое — к брату С.М. Ремизову от 13 октября 1900 г.: «Не могу

³¹ ГА РФ. Ф.102 (ДП). ОО. 1900 г. Ед.хр.1115. Л.4.

³² Н.М.Ремизов (1872- после 1930) был присяжным поверенным Московской судебной палаты и присяжным стряпчим Московского коммерческого суда.

³³ ГА РФ. Ф.102 (ДП). ОО. 1900 г. Ед.хр.1115. Л.5.

собрать всего. Сейчас только ушла жандармерия. Успел. Взяли Шопенгауэра, Нитше "Мысли об Ибсене", Канта. Гюго [?] завтра отдадут. Вещи получил сегодня и за ними приехали. Добывал вещи со скандалом». Далее в справке было приведено еще одно свидетельство: «Того же числа Алексей Ремизов отправил письмо к Вере Васильевне Говоровой, в Москву, следующего содержания: «Получил Georges Eekhoud "Les Fusillés", Henry Bataille "Ton Sang". Спасибо вам, сколько должен. Устал, сейчас только был обыск, насилу ваши книги спас»³⁴. И, наконец, справка заканчивалась выводом: «Донесение от начальника Вологодского губернского жандармского управления о производстве обыска у Алексея Ремизова до сего времени не поступало. Очевидно, нач[альник] управления сам получил тоже сведения о продолжении Ремизовым пропаганды и на осн[овании] п[ункта] 19 Полож[ения] произвел обыск»³⁵.

Таким образом, документы свидетельствуют, что история о том, что после разгрома пензенских кружков Ремизов окончательно разочаровался в действенности революционной пропаганды и перестал ею заниматься, является еще одной гранью «легенды», сложенной писателем о самом себе.

В действительности же отход Ремизова от «политики» совершился в Вологде в 1901-1902 и происходил постепенно, одновременно со все более глубоким осознанием им своего писательского призвания. Знаменательно, что этот процесс нашел отражение даже в бумагах Департамента полиции, продолжавшего собирать выписки из «крамольных» писем ссыльного. Так в деле Ремизова сохранилась выписка из его письма к брату Сергею от 10 января 1902 года из Вологды:

«Недавно был среди студентов, читал им стихотворение По, но никто из них ничего не понял. Читали и "Гимн Свободе", последний отрывок из "Плена", это подкупило содержанием и потому успешно прошло. Думаю иногда, кто будет читать мой "Плен"³⁶... "Плен" посылаю с А.Яковлевной для прочтения всем вам»³⁷.

Ориентируясь на семантику названий новых сочинений «крамольника» Ремизова («гимн свободе», «плен»), полиция сочла

³⁴ ГА РФ. Ф.102 (ДП). ОО. 1900 г. Ед.хр.1115. Л.7-7об.

³⁵ Там же. Л.7об.

³⁶ Отрывки из цикла миниатюр «В плену» впервые были опубликованы в 1903 в ж. «Новый путь» (№3) и альм. «Северные цветы» (№3). Целиком опубл.: Ремизов А. Сочинения. Т.2. Рассказы. СПб. [1910]. Сохранилась рукопись цикла миниатюр «В плену», датируемая 1901-1902. (ИРЛИ. Ф.627. Оп.2. Ед.хр.68. 45 лл.).

³⁷ ГА РФ. Ф.102 (ДП). ОО. 1900 г. Ед.хр.1115. Л.8.

необходимым присоединить сведения об их создании к другим свидетельствам противоправительственной деятельности поднадзорного. Но на самом деле столь неожиданным путем были сохранены упоминания о работе начинающего писателя над одним из первых художественных произведений. И, в то же время, продолжалась и деятельность Ремизова-пропагандиста. 24 июня 1902 года из Департамента полиции вологодскому губернатору было направлено письмо следующего содержания:

Г.Вологодскому губернатору

В Д[епартаменте] П[олиции] получены агентурным путем сведения, что высланный по Высочайшему повелению 31 мая 1900 г. в гор. Устьсысольск под гласный надзор полиции на 3 года, купеческий сын Алексей Михайлович Ремизов находится в близких отношениях с местными рабочими, распространяя среди них социал-демократические идеи, и вращается в среде студентов, знакомя их с революционными произведениями.

В виду сего Д[епартамент] покорнейше просит Ваше Пр[евосходительство] не отказать в распоряжении об усилении за названным Ремизовым установленного надзора.

И.д. Дир[ектора]
Зав. Отд[елением]

Лопухин
Ратаев³⁸

Именно в Вологде, где в числе ссыльных были многие известные впоследствии общественные деятели, писатели и философы, такие, как Н.Бердяев, А.Луначарский, Б.Савинков, П.Щеголев; где царил атмосфера интенсивной духовной жизни, Ремизов сделал свой окончательный выбор, избрав не политическую деятельность, а литературное творчество. К такому решению его привело не ощущение своей непригодности как революционера-практика, не разочарование в людях, а потребность полной творческой самоотдачи. Ремизов на всю жизнь сохранил дружеские связи и добрые отношения со многими видными деятелями революционного движения разных толков. Луначарский вспоминал его как одного из самых интересных людей, с которыми он встретился в Вологде³⁹. Б.Савинков высоко ценил литературные советы Ремизова. При этом никто из бывших товарищей по ссылке не упрекал Ремизова за прекращение его участия в практической борьбе. Для них это было понятно и оправданно. При этом существенно, что в дальнейшем Ремизов не использовал свое «прошрое» в корыстных целях в годы революции⁴⁰, но и не отрекался

³⁸ ГА РФ. Ф.102 (ДП). ОО. 1900 г. Ед.хр.1115. Л.10.

³⁹ Луначарский А.В. Великий переворот: Октябрьская революция. Ч.1. Пб., 1919. С.24.

⁴⁰ Ср. факт заступничества Луначарского за арестованного ЧК Ремизова: «А когда я "по недоразумению" попал на Гороховую (дело о восстании левых с.-р.,

от него в годы эмиграции. А легенда о «революционере-неудачнике», возникнув как сложный сплав литературных традиций и своеобразного преломления собственного опыта еще в произведениях Ремизова 1900-х, постепенно прочно вошла в тот «миф» Ремизова о самом себе, который писатель складывал в течение всей своей жизни⁴¹.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

I

А л е к с е й М и х а й л о в и ч Р е м и з о в

Моя фамилия Рёмизов*.

Я, Алексей Михайлович Ремизов, ратник ополчения 2-го разряда, почетный гражданин. Родился я в 1877 году 24 июня в Москве в Замоскворечье. Отец мой Михаил Алексеевич Ремизов — московский 2-ой гильдии купец; торговля отца — *большая галантерея*. Моя мать Мария Александровна Ремизова, урожденная *Найденова*, из знаменитой купеческой семьи Найденовых. Предки мои по отцу Ремизовы — тульские, из города Венёва; предки по матери Найденовы — владимирские, из села Батыева Суздальского уезда.

Учился я сначала у дьякона Василия Егоровича Кудрявцева — дьякон В.Е.Кудрявцев священником теперь у Бориса и Глеба на Арбате, потом учился я в Московской 4-ой гимназии, потом в Александровском коммерческом училище, которое и окончил в 1895 году, потом слушал я лекции в Московском университете, всякие лекции слушал: и о ракообразных и финансовое право, и физику и русскую историю, и о паукообразных и английскую литературу, и многое множество введений, и историю философии права, и о таких мелких живых песчинках, которых «невооруженным глазом» нипочем не увидишь... Зимой по воскресеньям я ходил рисовать в Строгановское училище, летом к учителю музыки Александру Александровичу Скворцову, учился на трубе играть.

сами посудите, какой же я "повстанец"), первые слова, какими встретил меня следовательно: "Что это у вас с Луначарским, с утра звонит?" И я робко ответил: "Старый товарищ"». (Ремизов А. Иверень. Указ. изд. С.198).

⁴¹ О постепенном сложении этой легенды см. в воспоминаниях друга Ремизова — Н.В.Резниковой в главе ее книги под загл. «Образ Ремизова, им самим создаваемый» (Резникова Н.В. Огненная память. Berkley, 1980. С.133-141).

*Ударение на *ré*, а не на *ми* (Примечание А.М.Ремизова).

Хотел я все произойти, все искусства одолеть, всю мудрость постичь, и ничего не вышло. Рисовать я не научился, — так рогульку еще могу какую, чертей с рогами, елку, а уж коня... чтобы всадник на коне ехал, нет, и трубою тоже не владею, только что в концертах случится иногда бывать, так за трубою непременно, как трубач мундштук прочищает, ну и лекций университетских до конца не дослушал...

В ноябре 1896 года за *полугодовую ходынку* попал и я, грешным делом, в Каменщики — в *губернский тюремный замок* — в Таганскую новую тюрьму. В тюрьме продержали меня до сочельника и на волю выпустили да не домой, а на Рязанский вокзал с околоточным к поезду: ехать мне в Пензенскую губернию на 2 года под *гласный надзор*. Кн[язь] П.Д.Святополк-Мирский, губернатор пензенский, ни в какой Мокшан и никуда в Чембар меня не отослал, а оставил в самой Пензе жить. И все шло тихо и смирно и вдруг опять грех: весной 1898 года опять меня посадили в острог, а весной 1900 года погнали *этапным порядком* через Тулу, через Москву — по Москве сквозь Бутырки в Ярославль, а через Ярославль за тысячу верст за Вологду в зырянский город Устьысольск на 3 года под гласный надзор.

Весной 1903 года кончилась моя ссылка и положено было отбыть мне еще 5 лет *ограничения*, ни в Москву, ни в Петербург не велели въезжать. В 1903 году я женился на Серафиме Павловне, урожденной *Довгелло*. В 1904 году родилась у нас дочь Наталья. Где-где мы только не жили, отбывая наше ограничение: жили мы и в Херсоне — в Херсоне служил я в театре «Товарищество Новой Драмы» у Вс.Эм.Мейерхольда, был я в театре не актером, а вроде как зрителем актерским, *пастухом театральным*, жили мы и в Одессе на Молдаванке и в Киеве у Печерской лавры на Зверинце и по другим городам разным и дачам, и углам, и закоулкам. В 1905 году в январе кн[язь] П.Д.Святополк-Мирский, уж не губернатор, а министр внутренних дел, снял с нас ограничение, и с тех пор живем мы в Петербурге.

Коммерческие познания свои я применял не раз. Кроме мелких поденных и сдельных работ, которые исполнялись походя, служил я в Вологде *бухгалтером* в магазине С.Л.Сегалья — С.Л.Сегаль известный знаток драгоценных камней, служил я и *старым дворецким* при журнале «Вопросы жизни»: хозяйство журнальное вел у Д.Е.Жуковского — Д.Е.Жуковский философ и издатель философских книг. И Соломон Леонтьевич и Дмитрий Евгеньевич, хозяева мои, не жаловались, но и медали мне золотой не дали.

Кроме всякой коммерческой арифметики, навык я писать с завитушками. Это хитрое искусство, к которому пристрастил меня еще в гимназии учитель чистописания Александр Родионович Артемьев — Артём, Московского художественного театра артист, я к делу почти не применял, и только что для приятелей да удовольствия своего ради выведешь другой раз в письме какой усик или виноградом заплетешь заглавную букву.

Было мне 2 года, играл я однажды в игру какую-то мудреную: одинокую и молчаливую, взобрался я на комод да с комода и кувырнулся на пол да прямо на железку. С переломанным носом и разорванной верхней губой сидел я, закатившись, посиневший, на полу, а мое белое пикейное платьице — меня наряжали девочкой — становилось алым от хлеставшей из носу и из губы крови. Сквозь слезы я видел мое алое платьице и злую острую железку, и сидел на полу, не двигался с места, пока не хватились. И вот боль, которая закатила меня, которая меня измазала всего, липкая такая кровь, словно бы открыли мне глаза на мир, чтобы видеть и открыли мне уши к миру, чтобы слышать. С этих пор я отчетливо помню себя, с этих пор я стал вглядываться и вслушиваться, складывая в памяти слова, дела и деяния.

У меня было 2 кормилицы: первая моя кормилица... так я и не дознался, откуда она попала в дом, вторая — баба калужская, мужа ее в солдаты забрали. У меня было 2 няньки: первая нянька — тульская, не замужняя, вторая — зарайская, крепостная, вдовая. От них-то я впервые и услышал чистый русский говор, от них я узнал русские сказки, в их жалобах, в их молитве, в их жизни самой я почуял нашего русского Бога, и принял в сердце беду нашу и страду нашу и терпение. Все они перемерли, уж нет никого в живых, — царствие им небесное!

Всенощные, обедни и ранние и поздние, часы великопостные, ночные приезды в наш дом чудотворных икон, ночные и дневные крестные ходы, хождения по часовням и на богомолье по святым местам, заклинание бесов в Симоновском монастыре, жития из Макарьевских четий-миней, — вот моя первая грамота и наука после сказок, рассказней, докук и балагурья.

Детских книг я никаких не читал, ни Жюль Верна не читал, ни Майн-Рида, я хорошо знал церковную службу, много житий всяких мучеников и подвижников и благоразумных разбойников, умел речисто прочесть шестопсалмие и кафизмы, умел пропеть на все 8 гласов, умел звонить, умел и трезвонить.

5-и лет меня отдали к дьякону в науку, 7-и лет мне сшили сапоги и отправили в гимназию учиться, с 12-ти лет я на нос очки надел.

В нашем доме водились книги и русские и нерусские. Моя мать окончила лютеранскую школу Peter-Paulschule, и немецкий язык был ей, что русский. Мать постоянно читала журналы и всякие новые книги. В 12 лет и я уселся за книгу и все читал, все, что только ни попадалось. А чтобы прочитать как можно больше, я по ночам ставил ноги в холодную воду и так читал до утра, забывая и сон и уроки. В год я одолел много книг, много всяких историй и рассуждений, рассказов и романов, и задумал я постичь философию. Как постигнуть философию, какие надо книги читать и так, чтобы все узнать, с этим я обратился к профессору Николаю Андреевичу Звереву, преподававшему в старших классах Александровского коммерческого училища «энциклопедию права». Н.А.Зверев — важный теперь сенатор, в Сенате сидит — отнесся ко мне необыкновенно внимательно и всячески надумил меня; следуя его указаниям, равно бы стал я постигать непостижимую премудрость философскую.

— Батюшки, барин, зачитаетесь! — охала нянька, старуха старая: ложилась она, я сидел за книгою, вставала она, я все сидел за книгою.

А книгами философскими пользовал меня гимназист, товарищ старшего брата моего Николая, П.В.Беневоленский и другой гимназист, тоже одноклассник брата моего Николая, Н.П.Суворовский, и книгами, и добрым словом.

В ноябре 1899 года вышла 15 книжка «Вопросов философии и психологии» со статьей В.П.Преображенского о *Ницше* с примечаниями от редакции. И предался я Ницше, как некий святой пещерник нечистому. В 1894 году вышел сборник «Русские символисты» и стихи К.Д.Бальмонта «Под северным небом». Тут я узнал имена Бальмонта и Брюсова, эти первые имена современной русской поэзии, и полюбил их без рассуждения. В 1895 году прочитал я *Метерлинка*, заполонившего меня не меньше самого Ницше. В 1899 году начал выходить журнал «Мир искусства»; художники, объединенные С.П.Дягилевым, с Александром Н[иколаевичем] Бенуа в корню, стали мне любимыми моими спутниками. Тут же я узнал *Льва Шестова* и *Василия Васильевича Розанова* и записался в их постоянные любительные читатели.

Сам я никогда даже и не думал о писательстве. И всего один раз за все ученические годы мои для ученического журнала написал я рассказ из деревенской жизни — в деревне я никогда не жил! — историю, как убили какого-то священника, очень страшный рассказ — истинное происшествие со слов дворника нашего Афанасия. Предавшись Ницше и Метерлинку, я стал переводить их. И

только в тюрьме — в Московском губернском тюремном замке затеял я и собственные свои писания. Мне захотелось описать чувства, человеком испытываемые в тюрьме, застенную нашу неволю, и, принявшись за описание тюрьмы — «вся наша жизнь светлая — тюрьма!» я имел перед глазами не *Записки из мертвого дома*, а *Serres chaudes* Метерлинка (Собр. соч. Т. II. В плену).

От сказок и Макарьевских четий-миней через любимых писателей — Достоевского, Толстого, Гоголя, Лескова, Печерского к Ницше и Метерлинку и опять к сказкам и житиям и опять к Достоевскому... вот она как загнулась дорожка, вот те камушки, по которым шел и иду за тридевять земель в тридесятое царство за живую водой и мертвой.

Проживал в Вологде один ссыльный Б.В.Канин¹. Уж не раз пробовал перо Б.В.Канин, только не в беллетристике, и вот надумал он рассказ сочинить, сочинил рассказ, да с моим *Бибкой* самому Горькому в Арзамас и послал. Не одобрил Горький наших рассказов, ни канинского рассказа, ни моего, а все-таки переслал рукописи в Москву к Л.Н.Андрееву. И 24-го ноября 1892 года* в газете «Курьер» появился *Бибка*.

С Катеринина дня 1892 года я и веду мою писательскую летопись.

В 1902 году мне разрешили побывать в Москве. Первым делом пошел я на Пресню к Л.Н.Андрееву, от Андреева отправился я на Цветной бульвар к В.Я.Брюсову, Брюсов взял у меня для 3-его альманаха «Северных цветов» мою *Красную коробку* (Собр. соч. Т. II). И завязался узелок.

В начале 1903 года П.Е.Щеголев поехал из Вологды в Петербург и рукописи мои не забыл взять. Неусыпными стараниями его попал я к Мережковским в «Новый Путь». Кое-что удалось мне о эту пору поместить при содействии А.В.Тырковой (А.Вергежского) в ярославской газете «Северный Край».

Большую заботливость встретил я у Дмитрия Владимировича Философова: Философов мне и «Мир Искусства» высылал в Вологду, Философов и письма мне о моем *Пруде* писал длинные. Петербургские литературные столпы Ф.К.Сологуб и Вяч.И.Иванов, приняли меня с моими произведениями сочувственно. Первое пригласительное письмо и при том, как к заправскому литератору, я получил от «Грифа» — С.А.Соколова-Кречетова. А кни-

¹ В тексте соскоблена фамилия «Савинков» и вместо нее вписан его литературный псевдоним. — А.Г.

* Так в рукописи. На самом деле первая публикация Ремизова состоялась в 1902. — Публ.

гами пользовал меня Е.В.Аничков и П.Е.Щеголев, и книгами и добрым словом.

Так и пошло мое писательство потихоньку да полегоньку из кулька в рогожку.

Автобиографических произведений у меня нет. Все и во всем автобиография: и мертвец Бородин (Собр.соч. Т.І. Жертва) — я самый и есть, себя описываю, и кот Котофей Котофеич (Собр. соч. Т.ІV. К Морю-Океану) — я самый и есть, себя описываю, и Петька («*Петушок*» в Альманахе XVI Шиповника) тоже я, себя описываю. А мертвец Бородин, известно, чем кончил, а Котофей Котофеич... где он теперь, Котофей, по-хорошему ли пробирается ли к Лиху-одноглазому освобождать свою беленькую Зайку, никто от этом не знает, а Петьку в 1905 году в Москве на Земляном валу на мостовой подняли с простреленной грудью уж очоженевшего. Петербург, 1912 г.

Алексей Ремизов

Собрание сочинений Алексея Ремизова издано «Шиповником», СПб. 1911-12 гг. Вышло 8 томов: т.І Неуёмный бубен и др[угие] расс[казы]; т.ІІ Часы и др[угие] расск[азы]; т.ІІІ Бедовая доля и др[угие] расс[казы]; т.ІV Пруд; т. V Крестовые сестры и др[угие] расс[казы]; т. VI Сказки — Посолонь и К Морю-Океану; т. VII Отреченные повести — Лимонарь; т. VIII Русальные действа (пьесы).

Переводы Алексея Ремизова: А.Родэ. Гауптман и Ницше. М., 1902 г.; А.фон Леклер. К монистической гносеологии. Изд. Д.Е.Жуковского. СПб., 1904 г.; Пьесы: Андре Жида, Рашильд и др., изд. «Театр и Искусство», СПб., 1908 г.

II

Алексей Михайлович Ремизов*
— сын московского купца
род[ился] 24.VI.1877 г. в Москве

Дед мой, крестьянин Веневского уезда Тульской губернии, сидел на земле, за сохой ходил, пахарь. Отец, Михаил Алексеевич Ремизов, с детства попал из деревни в Москву, определился *мальчиком*** в лавку к Кувшинникову, кипяток таскал, в лавочку бегал, к делу присматривался, так и жил на побегушках, а вышел в люди, сам хозяином сделался: Кувшинникова торговля кончилась, нача-

* Рёмизов — ударение на «е», так выговаривал отец, так и я выговариваю, так и надо. (Примечание А.М.Ремизова).

** Выделенное курсивом написано в рукописи красными чернилами. — А.Г.

лась Ремизова — *галантерейный магазин М.А.Ремизова*, две лавки в Москве, да две лавки в Нижнем на ярмарке. Без всякого образования, трудом и смёткой, «русским умом» своим отец сам до всего дошел и большим уважением пользовался: у Николы в Толмачах, в нашей приходской церкви, отец долгое время был старостой церковным, а на ярмарке купцы в чалмах да в халатах, страшные и важные такие, отца *большим купцом* величали.

В духовной своей завещал отец на колокол в село на свою родину, и такой наказал колокол отлить гулкий и звонкий: как ударят на селе ко всенощной, чтобы до Москвы хватало за Москва-реку до самых Толмачей.

Этот колокол заветный, невылитый, волшебный, благовестными звонами в вечерний час гулко-полно катящийся с дедовских просторных полей по России — это первый мне родительский завет.

Моя мать — московская купеческая дочь, Марья Александровна Найденова. Образование она получила хорошее, училась на немецкий лад в Петропавловской лютеранской школе и в духовном развитии и устремлениях своих шла вровень с передовыми русскими женщинами своего времени. Жизнь у нее сложилась трудная, но и трудная доля ее, правда, расшатала, а все-таки не сломила в ней *найденовское железо*.

Найденовы — владимирские, из села Батыева Суздальского уезда. В 1765 году прадед мой, крепостной крестьянин капитана Матюшкина, Егор Иванович Найденов продан был московскому первой гильдии купцу и шелковых фабрик содержателю Панкрату Васильевичу Колосову и водворен на Москве за Земляным городом на Яузе в колосовскую красильню. Начал он учеником, вышел в красильные мастера, ходил в мастерах и свое дело завел: Колосовское дело кончилось, началось Найденовское, — в 1816 году уволен из мастеровых и причислен в московское купечество.

Егор Иванович — человек крепкий и выносливый, железный, ничего ему не делалось, и в моровую язву заразился, но и чума не взяла, в 1812 году оставался он в Москве, Москву стерег, и большой был охотник и искусник хитрый: любил медведей травить, петушиные бои чествовал и обучал птиц пению всякому под орган и разговорам всяким человеческим — скворцы прямо, как человеки разговаривали! — сам генерал-губернатор — *главнокомандующий*, прослышав о диковинных канарейках и скворцах ученых, вызвал его к себе с птицами птичьей мудростью послушать, но он от такого «начальнического милостивого внимания» отказался, сам не пошел, а своих певунов, птиц чудесных всех до од-

ной отдал посланным безвозвратно. Таков был первый Найденев Егор Иванович, от которого все и пошло. За делами не доглядел, переночевал в нетопленной холодной красильне, схватил горячку и помер.

Дед мой Александр Егорович-*меньшой* продолжал начатое отцом, завел ткацко-набивную и шерстепрядильную фабрику и расширил торговлю, тихий, очень осторожный, очень скрытный, образование получив всего только в приходском училище, он постоянно искал общения с людьми образованными, высоко ценил знание и сам учился, научился по-французски читать — много читал, посещал театры и вел запись виденному, событиям жизни — найденевскую летопись. Вот почему в такой старозаветной русской семье следующее поколение — мои дяди и моя мать получили воспитание на немецкий лад.

Немецкая школа вывела в жизнь третьего Найденева — Николая Александровича Найденева, имя которого сохранит наша история. Начиная с 60-х годов прошлого века до конца 1905 года († 28 ноября 1905 г.) деятельность его в торгово-промышленном мире поистине была *петровская*. С 1876 года стоял он во главе Московского Биржевого Комитета, и большинство крупных экономических преобразований и законодательств всяких прошли при его непосредственном участии. Нрава «задорного», так как сам он выражался о себе в своих воспоминаниях*, с огромными знаниями не только в чисто экономических и юридических науках, но и по истории и археологии, и с большим творческим полетом, весь одаренный, непохожий ни на кого, превратил он свою жизнь — свои дни в какую-то бессменную работу, без передышки, без праздников, без прогулов для крепкой и деятельной, крепко выкованной гордой русской России. Отказавшись при жизни от высокой привилегии — от дворянства, наказал он похоронить себя, как самого простого человека — последнего рабочего, и этой последней волей достойно завершил дело своей жизни.

Рабочая — не шалопайная, трудовая Россия ради России умной, крепкой и гордой, русской России — это мне второй родительский завет.

Я родился в доме отца моего в Малом Толмачевском переулке и все детство провел в Москве, и отрочество, и всю мою юность. Учился я в коммерческом училище, в университете ходил по всем

---

* Н.А.Найденев. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном, I. М., 1903 г. (Для лиц, принадлежащих к роду); Село Батыево. Материалы для истории его населения XVIII-XIX столетий (не для продажи). — Прим. А.М.Ремизова.

аудиториям и слушал все науки, но курса не кончил, попал в тюрьму. На Рождество Богородицы в 1902 году напечатано в первый раз мое произведение — «Плача» («Плач девушки перед замужеством»).

1913 г.

Публикуемые автобиографии А.М.Ремизова были предназначены для фундаментальных историко-литературных трудов, создававшихся под руководством проф. С.А.Венгерова.

Автобиография, датированная 1912 (РНБ. Ф.634. Ед.хр.1. Л.1,2,7-12), написана для раздела, посвященного Ремизову, в незавершенной коллективной монографии «Русская литература XX века» (М., изд-во «Мир»), только три тома которой были изданы в 1914-1918. Она должна была дополнять статью Г.И.Чулкова «Алексей Ремизов»¹, машинописный текст которой, датируемый 1912, сохранился в архиве Венгерова в ИРЛИ. 7 марта 1912 Чулков писал Венгерovu о завершении своей работы: «Я передал в контору "Мир" рукопись моей статьи о Ремизове и получил сто рублей, как мы с Вами условились. Я буду Вам очень признателен, Семен Афанасьевич, если Вы распорядитесь, чтобы мне прислали корректуру: может быть, я сделаю некоторые изменения (незначительные). Статья вышла немного больше листа. Возможно сократить некоторые ее части. Если Вы найдете нужным это сделать, пожалуйста, будьте так добры, уведоьте меня, что именно Вы желаете выпустить»². Тогда же была написана и ремизовская автобиография, о чем Ремизов сообщал Венгерovu в письме от 10 февраля 1912: «Посылаю Вам заказн[ой] бандеролью краткую мою автобиографию: как я писать стал»³. В ответном письме от 13 февраля Венгерov высказал ряд замечаний: «Большое, большое спасибо Вам, многоуважаемый Алексей Михайлович, за присланное житие. Очень оно и любопытно, и поучительно. Одно только место меня удивило и огорчило: где Вы сообщаете, что записались в "постоянные любительные читатели" Розанова. Неужели и теперь его любите? Ведь это же гадина, форменная гадина, отвратительно-продажная, подло-предательская, фарисейски-лицемерная. Всегда он такой был, но прежде, в моменты подсознательного творчества, писал почти-гениально. А теперь ничего кроме вонючих испражнений из него не исходит. И рядом с Розановым Вы ставите благородного искателя истины Льва Шестова! Гореть Вам за это на том свете в огне неугасимом. С искренним приветом С.Венгерov»⁴. Ремизов согласился с пожеланиями редактора, об этом свидетельствует его письмо от 14 февраля: «Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич! *Оставьте в этой фразе одного Льва Шестова*⁵. Так будет лучше и правдивее. Книги Розанова

¹ Опубликовано в 1922 в кн. Г.Чулкова «Наши спутники» под заглавием «Сны в подполье».

² ИРЛИ. Ф.377.

³ ИРЛИ. Ф.377. Собр. автобиографий. Ед.хр.3046. Л.1.

⁴ РНБ. Ф.634. Ед.хр.73. Л.1.

⁵ В примечании Ремизов дал исправленный вариант текста: «Тут же я узнал Льва Шестова и записался в его постоянные любительские читатели».

меня всегда интересовали и занимали, но к статьям его теперешним у меня душа не лежит. Об этом и говорить тяжко. Какое уж тут любительское читательство!»⁶. Окончательный исправленный текст автобиографии в архиве Венгерова не сохранился. Публикация осуществлена по экземпляру — авторской копии, находящейся в той части архива Ремизова, которая была передана им на хранение в ГПБ. Текст написан черными чернилами на крупноформатной бумаге размером в пол-листа. Значимые имена и названия выделены красными чернилами и под этими же словами автором произведена карандашная разметка для набора курсивом или в разрядку.

Вторая публикуемая автобиография, датируемая в рукописи 1913, была отослана Ремизовым Венгеру одновременно с биобиблиографическими сведениями для готовившегося критико-биографического Словаря русских писателей. Об этом сообщалось в письме Ремизова Венгеру от 21/4 апреля 1913: «Для Критико-Библиографического словаря посылаю Вам краткие сведения о себе⁷, перечень моих книг⁸ и карточку фотографическую. Есть у меня автобиографическое "заветы родительские", написано для Анастасии Николаевны Чеботаревской, для какого-то сборника. Посылаю рукопись, может быть, пригодится. Посылаю Вам последнюю мою книгу "Подорожие", оттиск портрета моего, рис[уюнок] М.В.Сабашниковой и указатели к 8-и томному собранию сочинений. Хотел бы попросить Вас, Семен Афанасьевич, когда с чулковской статьей и моя автобиография печататься будет, мне бы корректуру прислали»⁹.

Указание на А.Н.Чеботаревскую дает новый поворот в установлении времени создания автобиографии своеобразного типа — повествования об истоках самосознания писателя. В 1907 Чеботаревская собирала автобиографии писателей для подготовки сборника «Краткие биографические данные русских писателей за последние 25-летие русской литературы». Но в подготовленной рукописи этого труда, сохранившейся в архиве Чеботаревской в ИРЛИ, биография Ремизова отсутствует. Нет этого текста и в подготовительных материалах к сборнику. Все объясняет шуточное письмо писателя к Чеботаревской, датируемое по штемпелю 23 мая 1907:

«Многоуважаемая Анастасия Николаевна! По обещанию написал Вам краткое жизнеописание, но не посылаю. Ведь, это же не то все будет. О влияниях чего бы то ни было не могу сказать, потому что, Бог его знает, что другой раз на тебя повлияет и на веки вечные вгвоздится.

Год рождения моего: 1877.

День: Купальская ночь (с 23 на 24 июня).

А именины мои 5 октября в день празднования московских митрополитов: Петра, Алексея, Ионы и Филиппа.

⁶ ИРЛИ. Ф.377. Собр. автобиографий. Ед.хр.3046. Л.2.

⁷ Там же. Л.8.

⁸ Там же. Л.9-18.

⁹ Там же. Л.4.

Сидел дважды и высылался дважды. Один раз за мордобой в Пензенскую губ[ернию] на 2 года, а другой раз за ничего в Вологодскую на 3-и.

Особенного — выдающегося в жизни моей не случилось: на войне не сражался и ранен не был.

Хотел быть кавалергардом, разбойником и учителем чистописания.

Начал печататься в 1902 г. в "Курьере" (такая московская газета была), потом в "Северном Крае" (Ярославль), в "Юге" (Херсон), в "Северных цветах" и "Весах" (Москва), в "Грифе" (Москва), в "Новом Пути" (СПб.), в "Вопр[осах] Жизни" (СПб.) и т.д.

Вот и все.

Всего Вам хорошего, Анастасия Николаевна.

А.Ремизов¹⁰

Таким образом, можно предположить, что в 1907 Ремизов написал «краткое жизнеописание» под заглавием «Заветы родительские», но не послал его Чеботаревской. В 1913 он заново переписал текст для отправки Венгеру. Палеографический анализ публикуемого текста, хранящегося ныне в составе архива Ремизова в ИРЛИ (Ф.256), и листов из персоналии «Ремизов» в собрании автобиографий Венгерова, содержащих библиографические сведения (Л.7-8), показал, что они совпадают по типу бумаги, характеру письма, использованию чернил двух цветов. Возможно, что при объединении всех материалов, касающихся Ремизова, в единый фонд, его автобиография была отделена от библиографического «конвоя», оставшегося в фонде Венгерова. В материалах Ремизова в РНБ имеется второй экземпляр этой автобиографии¹¹, являющийся точной копией публикуемой рукописи РО ИРЛИ.

¹⁰ ИРЛИ. Ф.289. Оп.5. Ед.хр.230. Л.1-2.

¹¹ РНБ. Ф.634. Ед.хр.1. Л.3-6.